
КОЛОНИИ И ЗАВИСИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В.Л. Иноземцев

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: *В статье автор приглашает к обсуждению истории европейской колонизации и европейского владычества. Предлагается теоретический и даже в большей степени терминологический подход к проблеме различия между колониями и зависимыми территориями; вестернизацией и глобализацией; постколониальным развитием и постзависимостью; наконец, между попытками восстановления империй и равноправной межгосударственной интеграцией. Автор предлагает разобраться в фундаментальных понятиях при подходе к проблеме европейской экспансии, вестернизации и колонизации.*

Ключевые слова: *колония, европейская колонизация, постколониальный синдром, постзависимость, вестернизация, глобализация, подконтрольные территории, зависимые территории.*

Прошло более полувека с того времени, как европейские державы покинули территории, которые они контролировали на разных континентах на протяжении нескольких предшествующих столетий. Более двадцати лет назад распался Советский Союз, который также порой называли наследником российской империи. Сложно однозначно сказать, принес ли успех освободительной борьбы больше мира и благополучия новым независимым государствам, чем их народы могли достигнуть, если бы сохранили прежние отношения с метрополиями. История не знает сослагательного наклонения и спекуляции на эту тему неуместны — в то же время, однако, именно сейчас крайне важно попытаться понять, что представляла собой ушедшая в прошлое эпоха, правильно ли мы понимали ее суть и закономерности, и, наконец, какие уроки следует вынести современным политикам из событий относительно недавнего прошлого.

Клубок проблем, связанных с тематикой европейской экспансии, вестернизации и колонизации, столь велик, что к нему нужно подходить с какой-то одной стороны, и начинать «распутывать» с одной ниточки. Я предложил бы начать с того, чтобы определиться в фундаментальных понятиях, так как это, на мой взгляд, может сразу же поставить новые вопросы, сформулировать кажущиеся на первый взгляд парадоксальными идеи и привести к неожиданным политическим выводам. Мне кажется, что это как раз тот случай, когда выглядящий

чисто теоретическим вопрос может, если только он будет корректно сформулирован, объяснить важные тренды современного глобального развития.

Колонии и зависимые территории

Слово «колония (от *coloniae*, или поселение)» восходит к античности, когда колонизация была, пожалуй, наиболее совершенным методом освоения новых территорий, не предполагавшим их завоевания, равно как и жесткого противостояния колонистов и местного населения. Колонии той эпохи представляли собой не столько форпосты для военной экспансии, сколько «торговые представительства» наиболее передовых народов, среди которых не было равных финикийцам и грекам. По разным оценкам, выходцы из Финикии в X–VI веках до н.э. основали в Средиземноморье и на атлантическом побережье нынешних Испании и Марокко более 200 поселений с общей численностью жителей до 450 тыс. человек. Среди них стоит отметить Карфаген, государство, пережившее саму Финикию и несколько столетий угрожавшее Римской республике; колонии на Мальте, Ибнице, Сардинии и Сицилии и юге Испании; финикийцы не только создавали собственные города, но и селились в существовавших торговых центрах, формируя сеть своих торговых путей [Culican 1991: 485–546.]. Греки за период с IX по V век до н.э., создали около 1500 подобных колоний, населенных более чем полутора миллионами их соотечественников — в этом случае на отдаленных территориях формировались новые полисы, порой вступавшие в партнерские отношения с местными жителями, но иногда стремившиеся и к их закабалению [Graham 1982: 83–159]. Все эти города были средоточием культурных, социальных и политических традиций создавших их народов и поддерживали с ними тесные связи.

В отличие от колонизации, во все времена существовала также практика завоевания новых территорий и принуждения их жителей к повиновению. Однако история даже древнего мира показывает, что империи редко могли похвастать долголетием: даже в условиях крайне медленного «течения» исторического времени ни одна империя древности, оккупировавшая территорию, заметно большую исконной, не существовала в виде единого государства более трехсот лет. Единственным исключением был Рим — но как раз в этом случае мы видим причудливое сочетание колонизации и завоевания; более того, процесс расширения границ *orbis Romani* был очень медленным, что позволяло населению провинций успешно романизоваться. В общем и целом, можно утверждать, что колонизация создавала куда более устойчивые социальные и политические общности, чем присоединение территорий исключительно военной силой.

Традиционный смысл слова «колония» сохранился вплоть до начала Нового времени — испанцы называли колониями отдельные города, основанные ими в Америке, британцы — территории, с которых удалось вытеснить аборигенные племена, и т.д. Как отмечал С. Хантингтон, «термином ‘колония’ обозначается поселение, созданное людьми, покинувшими свою родину и перебравшимися в иное место с целью основания нового общества на отдаленных землях»; при этом колонисты отличаются от иммигрантов, которые, «напротив, не создают нового общества,.. но только перемещаются из одного общества в другое» [Huntington 2004: 41, 40]. И лишь позднее колониями стали именовать любые территории, контролируемые великими державами за пределами метрополии, а «колониализм» стал трактоваться как специфическая черта эпохи, названной «империалистической». Это, в свою очередь, вызвало значительную путаницу. Так, социологи Э. Каванаг и Л. Верачини, претендующие на определение такого феномена, как «переселенческий колониализм (*settler colonialism*)», сначала говорят о нем как о «глобальном и транснациональном явлении, равно свойственном прошлому и настоящему», а через несколько строк заявляют, что «переселенческий колониализм вообще не является колониализмом»; что «колониализм и переселенческий колониализм... остаются раздельными и определяющими друг друга [феноменами]» [Cavanagh, Veracini 2010].

На наш взгляд, наиболее последовательным шагом было бы называть как раз переселенческий колониализм колониализмом, в то время как иные формы экспансии — завоеванием или установлением политического контроля над чуждыми метрополиям территориями.

Фундаментальная проблема в данном случае заключается в том, что возможности классической колонизации объективно ограничены масштабом населения стран-поставщиков эмигрантов, в то время как военное овладение территориями долгое время выглядело намного более простым методом — особенно если принимать во внимание серьезные технологические или тактические преимущества, имевшиеся в арсенале передовых держав. Поэтому не будет преувеличением сказать, что успешные цивилизации при наличии возможностей первоначально использовали стратегию колонизации, а на более поздних этапах — стратегию оккупации.

С таких позиций крайне интересно оценить историю европейских наций в период, стартовавший с эпохи Великих географических открытий. С достижением европейцами Америк — малонаселенных территорий, жители которых серьезно отставали в технологическом развитии — начался процесс, в котором причудливо сочетались черты покорения и колонизации, но главное слово оставалось все же за последней. В южной части континента, которая контролировалась испанцами и португальцами, акцент делался на военную силу и подавление местных народов; на севере британцы и французы предпочитали оттеснять жителей от кромки океана и создавать на новых пространствах классические поселенческие колонии. Однако, как бы ни отличались эти процессы, европейские заморские экзерсисы XVI–XVII столетий характеризовались массивным переселением людей за океан: к середине XVIII века в Латинской Америке жило более 1,3 млн. этнических европейцев, в Северной — более 3,7 млн.; доля европейцев в населении территорий, ныне относящихся к США и Канаде, выросла с 10 до 80 % населения между 1650 и 1825 гг. [Ferguson 2011: 134] Политическое сознание местных элит было вполне европеизированным — если тут и возникало возмущение метрополиями, то не из-за неприятия «европейского пути», а из-за ощущения того, что по нему можно идти более быстро и эффективно (и, следует признать, что во многом им это удалось: достаточно сравнить поток мигрантов из Европы в освободившиеся колонии — США, Аргентину, Канаду — с тем «вниманием», которое оказывают мигранты из развитых стран освободившимся странам Африки или Азии). Конечно, можно говорить об американской Войне за независимость 1770-х годов или Освободительных войнах 1820-х годов в Латинской Америке как об «антирежимных», но стоит иметь в виду, что, мечтая о политической самостоятельности, повстанцы не собирались искать пути, отличного от европейского. Желая построить свой «город на холме» на основе европейских идеалов, Т. Джефферсон и Ф. де Миранда, Б. Франклин и С. Боливар, А. Гамильтон и Х. де Сан-Мартин были по своему духу куда большими «европейцами», чем сторонники сохранения абсолютистских традиций в самой Европе.

События 1770-х — 1820-х годов на американском континенте ознаменовали собой не менее важный переломный пункт в европейской истории, чем тот, который имел место в истории Средиземноморья в IV–III веках до н.э. В обоих случаях относительно медленная, основанная на интересах свободных граждан и движимая преимущественно коммерческими мотивами колонизация сменилась захватнической политикой, опиравшейся на военные методы и предполагавшей обращение в зависимость новых, ранее находившихся вне прямого контроля, территорий. «Просвещенная» Европа по прошествии двух тысяч лет вступила на скользкую дорожку Александра Македонского и Октавиана Августа.

В результате масштабной военной экспансии европейские державы создали империи, которые было бы ошибочно называть колониальными. Как и во времена Александра в Персии или в эпоху римского владычества в Британии, присутствие представителей метрополии на покоренных территориях было символическим (по статистике 1921 г. в Индии на 306 млн. местных жителей приходилось не более 157 тыс. британцев, из которых около 60 тыс. состав-

ляли военнотружущие [Brown, Judith 2004: 427, 423]; в Кении к 1960 г. жило 68 тыс. выходцев из метрополии и 8,2 млн. местных жителей; французское гражданское население в Индокитае накануне Второй мировой войны не превышало 34 тыс. человек «на фоне» 23 млн. аборигенов [Louis 1999: 352]). Конечно, завоеватели пытались создавать в новообретенных владениях свои хозяйственные и организационные практики. Те же британцы в 1849–1929 гг. построили в Индии 66 тыс. км. железных дорог — в разы больше, чем в самой Англии [Ferguson 2003: 171; Sandes 1935: vol. 2, 64–68], и эти дороги действуют сегодня так же, как и дороги, вымощенные римлянами, используются на Балканах. За период с 1946 по 1958 г. 70% всех инвестиций в инфраструктуру во французских колониях в Африке и 30% текущих трат на поддержание этих объектов обеспечивалось напрямую бюджетом Французской республики [Meredith 2005: 65–66]. Однако очевидно, что повторить в этих новых владениях то, что было достигнуто в Северной Америке или Австралии, европейцы не могли. Власти метрополий, часто эффективно и умело управляя завоеванными территориями, не стремились построить тут копию собственной цивилизации, рассматривая эти регионы в качестве выгодного и порой естественного «дополнение» своих стран, но не их «продолжение».

Таким образом, у европейских государств в контексте их экспансионистских устремлений прослеживаются две эпохи — колонизаторская и захватническая.

Продуктом первой явились общества, которые известный британский исследователь А. Мэддисон назвал *Western offshoots* [Maddison 2000: 6–9] — и которые одни только и были европейскими колониями. Большая часть их населения была наследниками европейцев, а сами колонии — своего рода *extended Europe*, и остаются таковыми и сегодня. Все эти территории, ставшие Соединенными Штатами, Канадой, Австралией, Аргентиной, Бразилией, Новой Зеландией и т.д., отличались доминированием пришлого населения (не менее 30–40%, но чаще всего более 60 %); резким сокращением числа исконных обитателей территории (более чем в 2–3 раза за первые сто лет активного «освоения»); созданием социально-экономической системы, копирующей существующую в метрополии (с возможными коррекциями, разумеется) и общими с метрополией «цивилизационными кодами». Отделение колоний от метрополий не нарушало исторической преемственности, в результате чего сейчас понятие «Запад» — относительно искусственно обозначающее европейскую цивилизацию — объединяет и европейские страны, и их бывшие поселенческие колонии.

Напротив, территории, находившиеся под военно-политическим доминированием, не были населены европейцами в существенной мере, не усваивали европейских практик и стремились сбросить власть чужаков не потому, что считали себя способнее и сильнее метрополии, а потому, что хотели остаться собой и (не)развиваться по собственному усмотрению. Это было несложно, так как структура присутствия представителей метрополии подчинялась довольно простым задачам администрирования, вместо управления эпохи модернити часто существовала система вассалитетов (в разных местах в разной степени развитая), а главной задачей выступала эксплуатация природных богатств завоеванных территорий. При этом доля пришельцев не превышала 1–3% населения, а сокращение числа местных жителей в ходе подавления их сопротивления оставалось в пределах статистической погрешности (жертвами подавления восстания сипаев в Индии стали около 300 тыс. человек при населении 282 млн. [Ramesh 2007]). Наиболее заметными примерами территорий, находившихся под такого рода доминированием, могут быть Юго-Восточная Азия под французским управлением, Ближний Восток и большая часть Африки под английским владычеством, и вообще вся Африка после 1880-х годов. Переходными формами можно считать латиноамериканские страны с большим присутствием коренного населения и их потомков (Перу, Боливию, Колумбию). Уход завоевателей в большинстве случаев предполагает в этой ситуации быстрый отказ от европейских элементов управления, восстановление системы персоналистской власти, начало междоусобных конфликтов и многочисленные (как правило, неудачные) эксперименты в экономике. Полная зависимость от метрополий, характерная для данных обществ, порождает

«капкан для развития» и после ее прекращения новые независимые страны зачастую деградируют, образуя своего рода «неразвивающийся мир» [Rivero 2001: 69–70].

Все эти замечания — вполне поверхностные, следует заметить — являются, на мой взгляд, достаточными для того, чтобы по меньшей мере задуматься, какие социальные и политические формы стоит называть колониями и можно ли говорить о «деколонизации» и «постколониализме» как чертах второй половины XX века.

«Постколониализм» и постзависимость

Понятие «постколониализм» — одно из знаковых словечек XX столетия. Введенное в оборот Э. Сезером в 1950 г. [Césaire 1955], оно распространилось в научной и публицистической литературе усилиями Ф. Фанона, А. Мемми, Э. Саида [Fanon 2001; Said 1994, 1995] и десятков их последователей необычайно быстро и стало, если так можно выразиться, культовым среди сторонников «особого» пути развития и противников империализма. Сегодня сторонники данной концепции предлагают рассматривать его в очень широком контексте, утверждая, что «термин „постколониализм“ часто ошибочно воспринимается как преходящий концепт, применяемый к описанию времени, наступающего после прекращения колониального состояния, после момента политического провозглашения независимости... на самом же деле постколониализм отражает борьбу с колониальными дискурсами, властными структурами и социальными иерархиями, постоянное оспаривание их прав на существование» [Gilbert, Tompkins 1996: 6]. «Постколониализм», таким образом, стал теорией противостояния нежелательной зависимости — зависимости от прежних доктрин, от европейской (как предполагается, далекой от идеала) модели развития, от созданных в сознании людей образов.

Между тем, если исходить из предложенной выше логики, такой термин вообще не имеет права на существование — причем как минимум по двум причинам. С одной стороны, колонии (в отличие от зависимых территорий) практически никогда не расходились в путях развития с прежними метрополиями и порой обогащали дискурсы, ведшиеся в Европе, а не пытались их развенчать. С другой стороны, при принятии отмеченных ранее смыслов сама по себе «деколонизация» представляется процессом крайне редким, так как обретение колониями независимости вовсе не предполагает исхода колонистов, за эту независимость и борющихся. Концепции же, сторонники которых ныне называют их «постколониальными», осуждают прежде всего практику подавления представителями бывших метрополий местных народов — и, исходя из исключительно негативной оценки эпохи «внешнего управления», призывают скорее к отторжению европейского пути, чем к его творческому использованию. Я прекрасно понимаю, что отношение к бывшим завоевателям и поработителям вряд ли может быть позитивным, однако объективности ради стоит заметить, что отторжение достаточно проверенного типа прогресса отнюдь не всегда приводит к обнаружению более многообещающего.

Я готов категорично утверждать: никакого «постколониального синдрома» не существует в природе. Общества, развивавшиеся как колонии, на этапе, когда ущербность их положения начинает тяготить большую часть населения, предпринимают попытку освободиться от доминирования внешних сил — но прежде всего лишь для того, чтобы самостоятельно развиваться в указанном прежними «колонизаторами» направлении. Колонии, начиная самостоятельное развитие, в общем и целом стремятся копировать метрополию; здесь находят свое подтверждение слова К.Маркса о том, что «страна более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [Маркс 1960: т. 23, 2], и не более того. В ряде случаев такие колонии становятся равными бывшим метрополиям, или даже более успешными, чем они. Примеры США и Великобритании, Аргентины и Испании, Бразилии и Португалии говорят сами за себя. Колонизация определенной территории представителями более развитых на момент начала этого процесса народов может привести к масштабным че-

ловеческим трагедиям, но никогда не выступает причиной замедления исторического прогресса — напротив, чаще всего создает условия для его локального ускорения.

Зато существует проблема бывших подконтрольных территорий. Их освобождение вряд ли стоит называть «деколонизацией» — прежде всего потому, что «колонизация» в данном случае выглядела условной. Так, уходя из Вест-Индии, голландцы вывезли на родину... 18 тыс. соотечественников — и при этом взяли с собой более 30 тыс. местных коллаборационистов, которые могли подвергнуться репрессиям за сотрудничество с иностранной администрацией. Из Анголы и Мозамбика после объявления этими территориями независимости в Португалию вернулись 12 тыс. человек, а из французского Индокитая, в борьбе за удержание которого отдали свои жизни 75,5 тыс. французских солдат — 40 тыс. живших там до начала освободительного движения французов (можно при этом вспомнить, что французы называли Индокитай не поселенческой колонией [colonie de peuplement], а колонией, подвергавшейся чисто хозяйственному использованию [colonie d'exploitation économique])¹. Даже самый тяжелый случай — война, приведшая к «освобождению» Алжира, до 1962 г. бывшего даже не доминионом, а департаментом Франции — вернула домой 800 тыс. французов, что составляло на тот момент 7,5% населения этой провинции² (а десятки лет спустя потомки алжирских борцов за свободу крайне сожалеют, что родились после даты провозглашения независимости страны и не могут вернуть себе французское гражданство).

Уход европейцев из этих территорий, часто очень болезненный, был вполне predetermined и экономическими, и политическими причинами.

Экономически колонии стали просто ненужными: если в 1913 г. на британские и французские колонии приходилось около 58% совокупной внешней торговли этих стран [Иноземцев 2005: 29], то в 2011 г. доля Индии во внешней торговле Соединенного Королевства составляла 1,7%, а доля всей Африки во французской — около 2%³. Сегодня товары, поставляемые бывшими зависимыми территориями, гораздо проще купить, чем бороться за политический контроль над регионами, где они производятся.

Политически именно в ходе борьбы за независимость этих территорий были применены и затем распространились самые жестокие методы современных периферийных войн, включая террористические акты и этнические чистки. Многие историки и классики политической теории специально отмечали, что характер войн радикально изменился именно со второй половины XX века, когда сопротивление стало принимать формы неодолимого бунта, ведущегося с использованием порой невысказанных средств [Хобсбаум, 2004: 5–7]. Может быть, кому-то будет любопытно узнать, что они по сути легитимизированы... Организацией Объединенных наций, которая в Резолюции Генеральной Ассамблеи №2908 от 2 ноября 1972 г. («О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством», п. 6) подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, любых имеющихся в их распоряжении методов борьбы за самоопределение и независимость (курсив мой. — В.И.)».

В таких условиях европейцы не могли не уйти из своих заморских владений — но они ушли, а проблемы остались. Новые независимые государства обнаружили себя в глобальном мире, в котором они не имели опыта выживания. Их новый статус сопровождался целым «букетом» проблем: завоеватели не заботились о создании здесь зачатков местного самоуправления и основ гражданского общества; границы между протекторатами проводились не исходя

¹Подробнее см.: www.en.wikipedia.org/wiki/First_Indochina_War, сайт посещен 8 мая 2013 г.

²Подробнее см.: www.en.wikipedia.org/wiki/Pied-Noir, сайт посещен 8 мая 2013 г.

³По Великобритании: *UK-India Trade Statistics*, UK House of Commons, 23 Oct 2012, p. 3 (материал загружен с сайта www.parliament.uk/briefing-papers/SN06191 8 мая 2013 г.); по Франции: данные с сайта www.csmonitor.com/World/Africa/2010/0601/President-Sarkozy-urges-revamped-trade-ties-at-Africa-France-Summit, сайт посещен 8 мая 2013 г.

из истории местных сообществ, а в силу произвольного раздела территории других континентов европейскими «грандами»; экономика была полностью подчинена внешним потребностям и не могла развиваться без рынка метрополии и без содействия с ее стороны. Общества, которые на протяжении долгого времени контролировались извне, но при этом не перенимали культуру «колонизаторов», а население которых не перемешивалось с ними, были по сути обречены оставаться на периферии глобального развития. Последствия обретенной свободы очевидны: сегодня наибольшее число самых бедных стран мира составляют государства, добившиеся независимости в 1960-х годах; с 1960 по 1996 г. в войнах и вооруженных конфликтах в Африке погибло около 8 млн человек — немногим меньше, чем на всех фронтах Первой мировой войны. Более двух третей населения освободившихся от колониальной зависимости в 1957–1963 гг. стран живут сегодня менее чем на 1 долл. в день; при этом, однако, средние расходы на оборону здесь достигают 6,6% валового продукта. Среди 25 государств с самым низким показателем продолжительности жизни — 24 африканских страны; для 27 стран, получивших независимость на волне освободительного движения 1960-х, рекордный уровень ВВП на душу населения фиксировался в середине или второй половине 1970-х (!) годов [Иноземцев 2005: 25–26]⁴, хотя, например, на момент обретения независимости Кенией ее подушевой ВВП был выше, чем... в Южной Корее. При этом стоит заметить, что «скромное обаяние „постколониализма“» понемногу рассеивается: согласно опросам общественного мнения, в 2005 г. более 49% граждан стран «чёрной» Африки полагали, что ответственность за экономические и социальные проблемы их государств несут собственные правительства и лишь 16% склонны были винить в них бывшие метрополии [Our Common Interest... 2005: 41].

Я не пытаюсь снять с европейских правителей ответственность за то, что произошло и происходит сейчас в их бывших заморских владениях. Но я хочу подчеркнуть, что не нужно называть это постколониализмом, а период господства европейцев в Африке или Азии — эпохой колонизации. Просто потому, что неправильное использование понятий может породить совершенно неверное представление о реальности и провоцировать совершенно ошибочные политические шаги. И тут мы подходим к самому интересному: к, пожалуй, наиболее атипичному примеру имперской и постимперской политики, представленному... Россией.

Уникальная страна и её будущее

Касаясь «колониальной» тематики, в Советском Союзе и России традиционно стремились говорить, что она не имеет к нашей стране никакого отношения. Это где-то за морями территории завоевывали, а у нас их осваивали, где-то «там» малочисленные народы поработали, а у нас их вытаскивали из проклятого прошлого и открывали им путь в современный мир. Между тем, на мой взгляд, не стоит жить в мире иллюзий — и как раз предложенная классификация открывает путь к переосмыслению и нашей истории, и нашего будущего.

Прежде всего следует заметить, что Россия в своем отношении к внешнему миру оказывается невероятно похожей на Европу. Можно лишь удивляться, насколько хронологически схожи были волны европейского и российского колонизаторства. В то время, когда испанцы уже установили свое доминирование в Южной Америке, а англичане и французы осваивали Северную, русские двинулись на Восток — и с 1581 по 1697 г. полностью покорили всю территорию до берегов Тихого океана, после чего переправились через Берингов пролив и распространились до сегодняшнего Орегона и северной Калифорнии. При этом сибирские города основывались в те же годы, что и наиболее известные города в Новой Англии [Иноземцев 2012: 83–84], а в период максимальной экспансии российские территории, располагавшиеся к востоку от Урала (включая Аляску) превышали по площади испанские владения в Новом

⁴См.: Иноземцев, Владислав. *Терроризм как «освободительная» борьба*, сс. 25–26.

Свете от Мексики до Огненной Земли. Согласно подсчетам западных авторов, масштабы этой экспансии и продолжительность контроля над приобретенными пространствами делают Россию самой большой «империей» за всю историю человечества [Таагерера 1988: 1–8].

Эти огромные территории осваивались теми же методами, что и Северная Америка. Они стали огромной поселенческой колонией русских, действовавших по классическим канонам европейских народов. Характерно, что на это указывали даже современники тех событий: еще во второй половине XVII века Ю. Крижанич, находясь в тобольской ссылке, сравнивал освоение Сибири с римской и испанской практикой переселений, называя ее «высылкой народа на посадки» [Мирзоев 1970: 44]. Позднее в своей классической работе «Сибирь, как колония», вышедшей в 1882 г. Н. Ядринцев исходит из тезиса о том, что «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного движения и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране... — поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало» [Ядринцев 1892: 190]. В начале XX века В. Ключевский писал, что «история России есть история страны, которая колонизируется; область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией — то падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [Ключевский 1987: 50]. Опять-таки современники оставили массу свидетельств жестокостей завоевателей на покоряемых территориях: так, по воспоминаниям епископа Камчатского Иннокентия, уничтожение до половины населения мятежных племен было обычным для русских первопроходцев [Вениаминов 1840: 188–190], а многие современные западные авторы подчеркивают, что уровень истребления местных жителей был близок к североамериканским масштабам и ничего подобного представить себе, например, в Индии при британском владычестве было невозможно [Curtin 1984: 208]. По сути, Россия в сфере колонизации не только соперничала с европейскими державами, но часто и превосходила их — хотя, по словам Р. Пайпса, «русские [в отличие от европейцев] не уезжали за границу; они вместо этого предпочитали колонизировать собственную страну» [Pipes 1990: 103–104].

Но сходства на этом не заканчиваются. Приблизительно через двести лет после начала колонизации Сибири Россия, как и европейские державы, начала не столько колонизаторские, сколько военные эксперименты — присоединяя части плотно населенных территорий или аннексируя отдельные государства или их владения. В конце XVIII — начале XIX веков были присоединены Крым и Молдавия, Польша и Финляндия, Грузия и Азербайджан, в середине XIX-го началась война за Северный Кавказ, а через пару десятилетий — оккупация Средней Азии. Практически включив в свои границы такие вассальные государства, как Бухарский эмират и Хивинский каганат, Россия распространила свою власть до пределов британской зоны влияния в Афганистане и Гиндукуше. В тот же период, когда европейские державы завершили раздел Африки и Юго-Восточной Азии, Россия достигла естественных пределов. Здесь сходства заканчиваются, и начинаются отличия.

Уникальность Российской империи образца начала XX века обуславливалась, на мой взгляд, несколькими моментами. Во-первых, Сибирь — ее гигантская колония — была формально включена в состав единого государства (эта территория перестала управляться Польским приказом еще в 1596 г.), и не обнаруживала никаких признаков сепаратизма к тому моменту, когда империя начала новый виток расширения. Во-вторых, в отличие от европейских стран и их поселенческих колоний, Россия относилась к Сибири скорее как к зависимой территории, не столько развивая ее, сколько максимально эксплуатируя ее богатства; местные элиты здесь практически отсутствовали, а первый университет (основанный в Томске в 1878 г.) появился на 327 лет позже, чем в Лиме, на 242 года позже, чем в Бостоне и на 16 лет позже, чем в Карачи⁵. И, в-третьих, Россия начала намного более активно осваивать

⁵ По данным о датах учреждения соответствующих университетов с сайта интернет-энциклопедии «Wikipedia» (www.wikipedia.org, сайт посещен 16 января 2013 г.).

свои зависимые территории в Закавказье и Средней Азии, чем решилась на это любая из западноевропейских держав. Особенно удивляет то, что вся эта «несовместимая с [нормальной] жизнью» конструкция пережила крах имперского режима в метрополии и после короткого периода хаоса просуществовала еще почти семьдесят лет.

Однако в конце 1980-х годов очередное ослабление центра привело к нарастанию сепаратистских тенденций и распаду страны — распаду, который только на первый взгляд мог показаться «беспроблемным» и который пока не следует считать окончательно завершенным.

Россия, как в свое время и Британия, без сопротивления «отпустила» свои зависимые территории, понимая, что контроль над ними обходится все дороже. Однако российские руководители «забыли», что часть этих территорий, не являвшихся классическими колониями, были к тому времени серьезно колонизированными. В 1989 г. доля русского, украинского и белорусского населения в Казахской ССР составляла 44,4% (а казахского — 39,0%), в Киргизской ССР — почти 24,3%, в Узбекской ССР — 9,3%, в Таджикской ССР — 8,5%, в Азербайджанской ССР — 6,1%, в Чечено-Ингушской АССР — 24,3%⁶. Лишь в нежданно обретших независимость республиках Средней Азии жило не менее 11,0 млн. русских, белорусов и украинцев⁷ — в 20 с лишним раз больше, чем англичан в африканских и азиатских владениях Британии в 1947 г. и в 30 раз больше, чем французов в таких же владениях Франции в 1952-м. И то, что началось после распада Советского Союза, вполне можно назвать единственной в истории деколонизацией в собственном смысле этого слова: к середине 2000-х годов из стремительно архаизирующихся новых государств было разными способами выдвинуто около 4 млн. уроженцев бывшей метрополии. К концу 2010-х годов доля славянского населения в Казахстане упала до 26,2%, в Киргизии — до 6,9%, в Узбекистане — до 4,1%, в Таджикистане — до 1,1%⁸, а в формально оставшихся в составе России Чечне и Ингушетии — до 1,9 и 0,8% соответственно⁹. Причем произошло все это при полном молчании официальных российских властей, иезуитски обосновывавших необходимость «дружбы» с новыми режимами абстрактными геополитическими соображениями.

Происшедшее в бывших республиках Советского Союза еще раз доказывает то, что давно можно было понять на основе изучения истории «реальных» колоний: освоенные европейскими державами территории следуют в русле европейского цивилизационного выбора лишь в случае, если они населены в подавляющем большинстве представителями европейских народов. Зависимые территории в большинстве своем не могут выстроить позитивной идентичности — и потому не способны избежать всплеска национализма, который выступает единственным известным им инструментом строительства новой нации. И если попытаться вынести из случившегося уроки, то они будут просты и понятны: во-первых, пытаться препятствовать продолжающейся архаизации этих государств бессмысленно; во-вторых, искать с ними союза, учитывая это обстоятельство, по меньшей мере непродуктивно; в-третьих, для бывшей метрополии создавать интеграционные объединения со странами, инициировавшими и продолжающими политику «деколонизации», порочно и аморально. Апология Евразийского союза не более убедительна, чем идеи о воссоздании квазигосударственных форм ассоциации Британии с Зимбабве или Франции с Сенегалом, а выгоды от образования на этой территории зон свободной торговли не более очевидны, чем от введения беспошлинного ввоза в Европу товаров из тропической Африки. Попытки России восстановить единство со своими

⁶Рассчитано по: *Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)*, Москва: Финансы и статистика, 1991 (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6e, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

⁷Там же.

⁸Рассчитано по данным национальных статистических служб соответствующих государств за 2006–2009 гг.

⁹Рассчитано по: *Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.)* (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

прежде зависимыми территориями — попытка, не знающая равных в истории по своей иррациональности.

Не менее странной выглядит и другая особенность страны. Набиваясь в партнеры бывшим вассалам, метрополия не замечает меняющегося баланса потенциалов центра и колонии в составе России. На закате советской эпохи на Сибирь приходилось 13% экономического потенциала СССР и чуть менее 10% его населения (конечно, зауральские земли составляли 57,1% территории, но большая часть их была необжитой, и этот дисбаланс никого не волновал). Но Советский Союз рухнул — и теперь на Сибирь приходится 74,8% территории России и 20,3% ее жителей. Более того, по итогам 2012 г. от 68 до 75% всего экспорта страны составили товары, добытые или первично переработанные в Сибири, а всего два платежа — налог на добычу полезных ископаемых, и экспортная пошлина на нефть и природный газ (оба по преимуществу «сибирские») — обеспечили 50,7% доходов федерального бюджета¹⁰. Лишись Россия сибирского экспорта — она немедленно скатится с 9-й на 30-ю позицию в рейтинге глобальных экспортеров, расположившись вслед за Австрией¹¹; лишись бюджет сибирских доходов — достижения всего путинского десятилетия в социальной политике будут перечеркнуты. Похоже, что сегодня не Сибирь — восточная окраина России, а Москва — город к западу от Сибири.

Никогда и нигде колония не была настолько экономически значимее метрополии, оставаясь политически столь бесправной. Сужение пределов страны, индустриальная деградация России и превращение ее в сырьевой придаток Европы качественно меняют степень ее устойчивости в «колониальной» системе координат. Поэтому сейчас исключительно важно обеспечить большее влияние восточной части России на принятие основных решений в государстве, модернизировать федеративные отношения, дать Сибири голос в принятии внешнеполитических решений, по-новому осмыслить стратегии развития нашей пока еще единой страны.

Россия — уникальная историческая общность. По сути, она пользуется такими преимуществами, которыми могли бы похвастаться Англомерика или Портобраз, если бы 13 колоний не отложились от британской монархии в 1776 г., а южноамериканская вотчина Португалии не объявила себя независимой империей в 1822-м. Эти преимущества и возможности нужно ценить. Надо изучать историю и помнить, что великие европейские нации начали свой упадок не тогда, когда обезумевшие от жажды свободы племена вышибли их уставшие армии из Заира или Мозамбика, а тогда, когда раздвинувшие их границы пассионарии сочли, что смогут быстрее и эффективнее развиваться без опеки их прежней столицы. Потеря колоний несравнимо опаснее утраты зависимых территорий. Удерживать последние бессмысленно, испытывать связи с первыми на прочность безрассудно. Именно к этому выводу можно прийти, осознав различие между колониями и зависимыми территориями, которым пренебрегает современная политическая наука — не в последнюю очередь потому, что находится в плену традиционной терминологии. Действуя же, исходя из привычных представлений, легко принять ошибочные решения.

* * *

Эта статья — в первую очередь призыв задуматься. Время колониальных и имперских экспериментов, которыми веками ставили европейцы, подходит к концу. Оглядываясь назад, можно намного лучше и тоньше понять историю европейской колонизации и европейского владычества. Сегодня практически очевидно, что мир глобализуется, а не вестернизируется,

¹⁰Согласно Отчету Счетной палаты РФ о предварительном исполнении федерального бюджета за 2012 г.

¹¹Расчитано на основании данных по экспорту отдельных стран за 2012 г., приводимых CIA World Factbook: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html>, сайт посещен 26 февраля 2013 г.

что сама идея центра и периферии понемногу исчезает. Но не менее ясной становится и разница между колониальной экспансией, собственно и создавшей современный развитый мир в его относительном единстве, и временным контролем над чуждыми территориями, приведшим в итоге лишь к реакции и регрессу. Европа ошиблась в том, что не остановилась на тех пределах, на освоение которых у нее хватало людских ресурсов, и положила на технологии, не способные заменить культурные коды. Колонизация была величайшим проявлением европейской пассионарности, попытка контроля за отдаленной периферией — величайшей ошибкой Европы.

Относительно недавно Россия оказалась лицом к лицу с теми же процессами, с которыми европейцы столкнулись полвека тому назад. И нам нужно не пытаться забыть о том, что происходило и происходит в мире в последние пятьдесят лет, а проанализировать данный опыт, вырвавшись из плена терминологических и идеологических штампов. Нам нужно еще раз переосмыслить различия между колониями и зависимыми территориями; вестернизацией и глобализацией; постколониальным развитием и постзависимостью; наконец, между попытками восстановления империй и равноправной межгосударственной интеграцией. Ко всем этим вопросам я попытался подойти исключительно с теоретической, и даже терминологической стороны, и, возможно, не учел многих важных обстоятельств. Поэтому предлагаемая статья и воспринимается мной не как ответ на актуальные вопросы нашего времени, а, прежде всего, как приглашение к их широкому — и по возможности неполитизированному — обсуждению. Мне кажется, что такая дискуссия сегодня может оказаться весьма полезной.

Вениаминов, Иннокетий. 1840. *Записки об островах Уналашкинского отдела*, Санкт-Петербург.

Иноземцев, Владислав, Пономарев, Илья и Рыжков, Владимир. 2012. “Континент Сибирь” в: *Россия в глобальной политике, том 10, № 6, ноябрь — декабрь 2012.*

Иноземцев, Владислав. 2005. “Терроризм как ‘освободительная’ борьба: новая встреча со старым феноменом” в: *Свободная мысль—XXI*, , № 9.

Иноземцев, Владислав. 2005. *Терроризм как ‘освободительная’ борьба.*

Ключевский, Василий. 1987. «Курс русской истории» в: *Ключевский, Василий. Сочинения в 9-ти томах, т. 1, Москва.*

Маркс, Карл. 1960. *Капитал, т. 1 в: Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих, Сочинения, 2-е изд., т. 23.*

Мирзоев, Владимир. 1970. *Историография Сибири*, Москва.

Хобсбаум, Эрик. 2004. “Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России” в: *Свободная мысль—XXI*, , № 9.

Ядринцев, Николай М. 1892. *Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях*. 2-е изд., дополненное и переработанное. СПб.: Издание И.М. Сибирякова.

Brown, Judith M. 2004. “India” in: *The Oxford History of the British Empire, vol. IV, Oxford: Oxford Univ. Press.*

Cavanagh, Edward and Veracini, Lorenzo. 2010. “Definition” (на сайте, посвященном исследованиям переселенческого колониализма, см.: <http://settlercolonialstudies.org/about-this-blog/>, сайт посещен 19 января 2013 г.).

Césaire, Aimé. 1955. *Discourse sur la colonialisme*, Paris, Dakar: Editions Presence Africaine.

Culican, W. 1991. “Phoenicia and Phoenician Colonization” in: *The Cambridge Ancient History, vol. III, part 2, Cambridge: Cambridge Univ. Press.*

- Curtin, Philipp. 1984. *Cross-Cultural Trade in World History*, Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Fanon, Frantz. 1995. *The Wretched of the Earth*, London, New York: Penguin, 2001; Said, Edward W. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*, London, New York: Penguin.
- Ferguson, Niall. 2011. *Civilization. The West and the Rest*, London: Allen Lane.
- Ferguson, Niall. 2003. *Empire. How Britain Made the Modern World*, London: Allen Lane.
- Gilbert, Helen and Tompkins, Joanne. 1996. *Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics*, London, New York: Routledge.
- Graham, A.J. 1982. "The Colonial Expansion of Greece" in: *The Cambridge Ancient History*, vol. III, part 3, pp.
- Huntington, Samuel P. 2004. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster.
- Maddison, Angus. 2000. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Publications Service.
- Meredith, Martin. 2005. *The State of Africa. A History of Fifty Years of Independence*, London, New York: The Free Press.
- Our Common Interest...* 2005. *Our Common Interest : An Argument* [The Commission for Africa Report], London: Penguin Books.
- Pipes, Richard. 1990. *The Russian Revolution*, New York, Alfred A. Knopf.
- Ramesh, Randeep. 2007. "India's Secret History" in: *The Guardian*, August 24; численность населения приведена по сайту www.populstat.info/Asia/indiac.htm (сайт посещен 8 мая 2013 г.).
- Rivero, Oswaldo de. 2001. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, London, New York: Zed Books.
- Roger Louis, W.M. 1999. "The Dissolution of the British Empire" in: *The Oxford History of the British Empire*, vol. IV.
- Said, Edward W. 1994. *Culture and Imperialism*, New York: Vintage Books.
- Sandes, E.W.S. 1935. *The Military Engineer in India*, London: Chatham, , vol. 2.
- Taagepera, Rein. "An Overview of the Growth of the Russian Empire" in: Rywkin, Michael (ed.) *Russian Colonial Expansion to 1917*, London: Mansell, 1988, pp. 1–8.